

Глава II. Революция подспудом (1931–1936)

“ В маленькой андалузской деревне я присутствовал при жарком споре учителя с мэром: учитель был за Третий Интернационал, мэр — за Второй. Вдруг в спор вмешался батрак: «Я за Первый Интернационал — за товарища Мигеля Бакунина...»

Илья Эренбург

12 апреля 1931 г. на муниципальных выборах монархисты одержали ожидаемую победу, заняв 22150 мест. Республиканцы получили только 5875. Но зато свои победы они одержали в крупнейших городах. Их сторонники с ликованием высыпали на улицы и стали требовать республику. Командующий гражданской гвардией генерал Хосе Санхурхо сообщил королю, что не сможет разогнать возбужденные толпы. Король Альфонс XIII с печалью констатировал: «Я потерял любовь моего народа» — и отправился в эмиграцию.

Консервативный автор Л. Пио Моа пишет, что «если республика и была установлена мирным путем, то не благодаря республиканцам, которые пытались установить ее в результате военного переворота или выступления, а благодаря монархистам, которые позволили республиканцам и социалистам участвовать в выборах всего лишь четыре месяца спустя после неудавшегося выступления. И, несмотря на то, что эти выборы были муниципальными, а не парламентскими, а республиканцы их проиграли, реакция поспешила передать власть, отказываясь от насилия»[35]. Здесь Л. Пио Моа «забывает» (как «забывают» об этом нередко, когда речь заходит о начале Российской революции в марте 1917 г.), что монарх отдал власть не по доброте душевной, а оценив неблагоприятное соотношение сил в ходе начавшихся в столице и других городах массовых революционных выступлений.

Так выяснилось, что и в Испании судьба страны решается в крупнейших городах. Лишь через несколько лет стало ясно, что вслед за городской революцией может прийти общенациональная, и тогда провинция скажет центрам страны все, что она о них думает. С провинцией не посоветовались. Это, конечно, не значит, что республика была провозглашена «практически против воли большинства испанцев»[36], как полагают некоторые исследователи. Ведь никакого массового движения в защиту монархии не возникло, и в дальнейшем большинство испанцев, имевших право голоса, поддержали новые «правила игры». Испания не была настроена против республики, но республика еще не сделала ничего, чтобы массы испанцев были «за». И когда у низов будут возникать претензии к республике, наиболее активная их часть двинется не к монархическим, а к анархическим идеалам.

14 апреля лидеры основных партий страны создали Временное правительство и провозгласили республику. Население городов ликовало, крестьяне в некоторых местностях захватили у грандов часть арендованной земли, но остальные ждали указаний. Так началась революция, которая продолжится до 1939 г. Но до 1936 г. революция будет удерживаться в либеральных рамках, лишь изредка вспыхивая более радикальными социальными выступлениями.

Республиканские реформы и перегруппировка политических сил

Начавшаяся демократическая революция не изменила социальную структуру общества, но породила надежды низов на улучшение их жизни. В стране продолжало править неподконтрольное народу чиновничество. Самостоятельную силу представляла офицерская каста, обладавшая унаследованными от монархии привилегиями. «Республика мало что изменила: голодные продолжали голодать, богачи глупо, по-провинциальному роскошествовали»[37], — рассказывает посетивший Испанию советский писатель и журналист И. Эренбург.

28 июня 1931 г. прошли выборы в Учредительное собрание. В них приняли участие 65 % граждан, а 35 % не пошли голосовать. Но не пришли не только сторонники монархии, отрицавшие республику «справа», но и те, кто отрицал ее «слева». Республиканские партии получили 83 % мест, что подтвердило — большинство испанцев приняло республику если не как свой идеал, то как новую реальность. Самую большую фракцию (116 мест из 470) составили социалисты.

9 декабря 1931 г. была принята республиканская конституция, вводившая ответственность правительства перед парламентом, основные гражданские свободы. Конституция провозгласила Испанию «демократической республикой трудящихся всех классов, построенной на началах свободы и справедливости» (Ст. 1) и отделила Церковь от государства (Ст. 26). Ст. 44 конституции предусматривала возможность отчуждения собственности (за вознаграждение) и ее обобществление.

К власти пришло либерально-социалистическое правительство Мигеля Асаньи. Президентом стал Нисето Алкала Самора.

В своей агитации монархисты и фашисты изображали лидеров Республики в виде якобинцев и чуть ли не коммунистов. Сегодня этот миф получил второе дыхание, не перестав, впрочем, быть мифом[38]. Между тем, Алкала Самора, противник отделения Церкви от государства, сам признавал, что его роль состояла в том, чтобы «обеспечить консервативный характер республики»[39]. Он мог с удовлетворением констатировать, что министры-социалисты готовы ради укрепления нового строя «оставить свои социалистические принципы у порога». Когда министр-социалист Индалесио Прието предложил ввести прогрессивный налог на крупные доходы, Асанья сместил его с поста министра финансов, дав «безопасный» портфель министра общественных работ. Впрочем, здесь Прието развернул

бурную деятельность. Только на общественные работы в Бильбао было выделено более 16 млн песет. Однако в этом не было ничего собственно якобинского.

Когда региональный парламент Каталонии принял радикальный аграрный закон, Мадридское правительство заблокировало его осуществление. Это лишь усилило каталонский автономизм.

2 августа 1931 г. по инициативе национальной партии «Эскерра републикана де Каталунья» (Каталонская республиканская левая)[40] и ее харизматичного лидера Франсиска Масиа на референдуме был утвержден статут Каталонии. Его параграф 1 гласил: «Каталония есть автономное государство внутри Испанской республики»[41]. Однако общеиспанские политики не собирались терпеть государство в государстве.

Под давлением Мадрида в сентябре 1932 г. Учредительные кортесы Каталонии приняли статут в более умеренной редакции. Каталония стала автономной областью, отказавшись от упоминания в статуте самостоятельной школы, суда, территориальной армии и социального законодательства[42]. Но сам факт федерализации вызвал недовольство в остальной Испании. Уж не начался ли процесс распада страны? В результате баски не получили автономии, а у каталонцев ее фактически отобрали в 1933 г.

Важной задачей республики премьер-министр Асанья считал «упразднение католического мышления»[43], и он мог бы еще долго воевать с мельницами на этом направлении, если бы под республиканской конструкцией не разверзлась социальная пропасть. Мышление меняется десятилетиями, а социальные кризисы решают судьбы страны за несколько лет.

Лидеры либералов на протяжении всей Испанской трагедии умудрились не замечать, насколько глубоко изменилась социальная почва страны, продолжали видеть главное противоречие современности в конфликте между католиками-монархистами и «рационально мыслящими» либералами, не учитывая роста сил, растущих за пределами имущественной элиты. Даже по окончании Гражданской войны М. Асанья видел ее причины во «внутренних разногласиях среднего класса и вообще испанской буржуазии, глубоко разделенной по религиозным и социальным основаниям»[44]. Что же, рабочий класс и крестьянство еще не раз удивят будущего президента-либерала, но он так и не поймет, с какой стороны искать пружины событий, сотрясавших республику.

Либеральное сознание фиксировалось на историческом противоречии «либеральное меньшинство — консервативный народ»[45]. Соответственно, «неправильное поведение» народа воспринималось как бунт против модернизации. Такой взгляд еще имел какие-то основания до революции 1868–1874 гг. С выходом на испанскую арену социализма выяснилось, что социальные низы готовы поддержать перемены. Но их модернизация — это не либеральная модернизация. Раскол в среде элиты стал второстепенным фактором по сравнению с глубоким расколом общества в целом по поводу будущего Испании.

Социальный раскол никогда не проходит строго между классами. В Испании (как и в любой другой стране, оказавшейся в подобной ситуации), были и рабочие-монархисты, и богачи, увлеченные коммунизмом. Но мотором перемен после их начала быстро стал социальный

кризис, а не стремление либеральной элиты освободиться от монархических и клерикальных пут. И Церковь вскоре оказалась под ударом низов не из-за стремления народа к атеизму, а из-за того, что накрепко связала себя с несправедливыми порядками. Она активно вмешивалась в политику и после падения монархии. И. Эренбург писал тогда: «Католические газеты расписывали „чудеса“: богородица появлялась почти также часто, как гвардейцы, и неизменно осуждала республику»[46]. Церкви не за что было любить Республику, а Республике — Церкви: в январе 1932 г. был запрещен Орден иезуитов, а в марте 1933 г. — принят закон о конфискации церковных земель и другого хозяйственного имущества. Правда, в это время его не успели ввести в действие.

Л. Пио Моа возмущается: «Республиканцы не проявили и капли щедрости в отношении тех, кто предоставил им власть. Они поставили монарха вне закона, конфисковали его имущество... Гораздо хуже было масштабное сожжение религиозных и культурных зданий, до которого консерваторы проявляли меньшую враждебность по отношению к режиму»[47]. Но церкви-то поджигали не комиссары либерального режима, а возненавидевшие старый режим массы. Они видели в церквях штабы реакции (причем не без оснований), и решали проблему не тонкими рассуждениями, а доступными грубыми методами. Либеральный режим сдерживал поджоги, и до начала Гражданской войны это явление не стало массовым. Так что если кто-то и проявил черную неблагодарность, то это консерваторы по отношению к либеральному правительству, которое как могло сдерживало нарастающий социальный протест против старых институтов, включая даже помещичье землевладение.

«Специалистами» по врачеванию социальных язв считались социалисты. В июне 1931 г. Ларго Кабальеро добился прекращения стачки астурийских шахтеров, им была повышена зарплата. С согласия чрезвычайного съезда ИСРП в июле 1931 г. Ларго Кабальеро стал министром труда. По его инициативе были введены минимум оплаты труда, ниже которого зарплата не должна была опускаться, арбитражные суды, 8-часовой рабочий день, обязательная оплата сверхурочной работы, страхование от несчастных случаев и пособие по беременности. Это вызвало недовольство собственников, которые жаловались на государственное вмешательство в их отношения с работниками.

В период пребывания у власти ИСРП руководство ВСТ, ссылаясь на предусмотренную новым законом систему переговоров между работниками и предпринимателями, отрицательно относилось к стачкам, которые то и дело перерастали в насилие: «Забастовка в настоящий момент не разрешит ни одну из проблем, которые могут нас интересовать, а лишь все запутает»[48], — говорилось в манифесте исполкома ВСТ в январе 1932 г.

Войдя в правительство — впервые за свою историю — испанские социалисты пребывали в эйфории. Идеолог левого крыла ИСРП Л. Аракистайн писал: «Испания идет к государственному социализму, опираясь на профсоюзы социалистической тенденции, используя демократическую форму правительства, без насилия, которое компрометирует внутри страны и вне ее наше дело»[49].

Вот-вот капиталистическая эксплуатация исчезнет, и государство станет разумно управлять производством и распределением. Как эта картина была далека от реальности, в которой капитал руководил промышленностью как мог, вызывая отчаянное сопротивление рабочих,

а деревня оставалась во власти помещиков и нищеты.

Не все социалисты разделяли оптимистический взгляд на Республику. Комитет ИСРП Малаги обличал «испанский капитализм, архаический и порочный», который действует против Республики. В результате «остаются без обработки поля, закрываются фабрики»[50]. Мадридская организация ИСРП выступила за выход партии из правительства, действия которого направлены против рабочих.

Вскоре эйфория прошла и у вождей ИСРП. На XIII съезде партии в октябре 1932 г. Ларго Кабальеро признавал, что очень трудно добиться выполнения социального законодательства «при капиталистическом режиме, поскольку касикам, хозяевам, представителям власти и т. д. удастся препятствовать этому»[51]. На этом съезде даже Х. де Асуа, бывший руководитель конституционной комиссии Учредительных кортесов, выступил за выход из правительства, поскольку союз с либералами компрометирует ИСРП и придает силы конкурентам партии слева. Но Прието возражал: если уйти из правительства, оно станет откровенно правым и разрушит даже те реформы, которые удалось провести. Они оба были правы.

* * *

Начавшаяся накануне Великая депрессия нанесла удар по промышленности и экспортно-ориентированной части сельского хозяйства Испании. До кризиса в экономику страны был вложен миллиард долларов, прежде всего английских и французских. Добывающая и текстильная отрасли были ориентированы прежде всего на внешние рынки. Теперь инвестиции прекращались, рынки «закрывались». В 1929–1933 гг. промышленное производство упало на 15,6 %. При этом производство чугуна упало на 56 %, а стали — на 58 %. Уровень безработицы достиг полумиллиона человек, а с учетом частично занятых — втрое больше. Частичный отток населения в деревню обострял социальную ситуацию, и там толпы безработных батраков стояли на улицах провинциальных местечек и вглядывались в лица вербовщиков на работы со смешанными чувствами надежды и ненависти.

В первые месяцы революции крестьяне захватили небольшую часть арендуемой ими помещичьей земли. Правительство решительно остановило дальнейшие захваты и пыталось решить проблему нехватки земли, приняв 9 сентября 1932 г. закон об аграрной реформе. Он предусматривал выкуп государством помещичьих земель, находящихся в аренде свыше 12 лет и размером свыше 400 га (как правило необрабатываемых), и распределение их между крестьянами, а также переселение избыточной рабочей силы на государственные земли. Запрещалась субаренда полученной от государства земли. На селе вводилось трудовое законодательство. Однако, проведение реформы предполагало большую работу по учету земли, и она велась медленно. Затем нужно было согласовать многочисленные интересы, включая мнения помещиков, желающих продать государству неудобья, и крестьян, желающих получить участки, достаточные для сытой жизни. В итоге темпы реформы заметно отставали от задуманных десяти лет.

«По мере того, как шло время, всяческие ограничения росли, а масштаб проведения реформы уменьшался»[52]. Было переселено 190000 человек. Государству удалось выкупить немногим более 74 тыс. га в пользу 12260 семей (а нуждались сотни тысяч). Это лишь незначительно снизило остроту кризиса. По замечанию Д. П. Прицкера, «реформа превращалась в выгодную для помещиков сделку, позволявшую им за большую сумму продать необрабатываемую и не приносящую никакого дохода землю»[53].

* * *

Принято считать, что «гражданская власть в Испании была слабой не потому, что военная была сильной, напротив, власть военных была сильной, потому что гражданская власть была слабой»[54]. Однако революция уже на либеральном ее этапе изменила эту ситуацию. Гражданская власть демонстрировала свою силу в отношениях с военными. Был снят с должности командующий гражданской гвардией, монархист Х. Санхурхо. Правительство Асаньи принялось за модернизацию армии, начав с сокращения генеральских кадров (в Испании 1 генерал приходился на 538 солдат, и по этому показателю Испания была рекордсменом Европы).

Неудивительно, что либеральному режиму приходилось постоянно оглядываться на угрозу военного переворота. 10 августа 1932 г. генерал Санхурхо поднял мятеж в Севилье. Но он был плохо подготовлен, заговорщики не заручились поддержкой консервативных политических сил и были быстро разгромлены. Провал переворота привел к новому полевению Испании, деморализовал правый политический лагерь, что позволило наконец протолкнуть через кортесы аграрный закон.

Санхурхо оставалось обвинить в поражении своих осторожных коллег — прежде всего генерала Франсиско Франко, который предпочел пока выжидать. В тюрьме Санхурхо повторял стишок: «Франкито эс ун кикито, ке ба а ло суйито»[55] (Франкито — это такая тварь, которая идет только за собственной выгодой). Алкала Самора помиловал неудавшегося каудильо, и в 1934 г. Санхурхо был выслан из Испании. Он уехал не далеко — в Португалию, где стал ждать своего часа.

Поражение военной реакции в то же время привело к консолидации правого лагеря, который теперь попытался использовать против Республики ее собственные институты. Лидером правого лагеря стала возникшая в октябре 1932 г. консервативная Испанская конфедерация автономных правых (СЭДА), в которую вошли ведущие правые партии и движения в спектре от консерватизма до авторитарного национализма. Ее лидер Хосе Хиль Роблес утверждал: «СЭДА родилась, чтобы защитить религию, собственность и семью»[56]. На момент создания СЭДА насчитывала 619 тыс. членов — представителей самых разных социальных слоев, прежде всего — деревенских. Вопреки более раннему и более позднему авторитаризму испанских правых, на этот раз они подчеркивали право на автономию течений и групп. Разбитая консервативная армия стремилась к собиранию сил, и ее вожди были готовы терпеть плюрализм в своих рядах.

По мнению Л. Пио Моа, «СЭДА, не будучи ни республиканской, ни демократической партией, обладала качеством, которое позволило бы осуществить гражданское сосуществование: умеренностью»[57]. Эта умеренность сохранялась, пока консерваторы сидели в обороне, но она стала улетучиваться, как только СЭДА получила шанс на получение власти.

Впрочем, из-за разношерстности и рыхлости СЭДА сторонникам правой диктатуры нужна была новая идеология, способная дать им более широкую социальную опору. Борьба идей и конкуренция течений приводили к противоречивым заимствованиям. Ощущая силу синдикалистских идей, правые пытались взять их на вооружение, создав более прочную социально-политическую конструкцию, чем обычные каудилистские режимы. Незадолго до падения монархии Рамиро Ледесма Рамос стал издавать газету «Завоевание государства», в которой он и Онесимо Редондо (издававший также еженедельник «Свобода») пропагандировали идеи фашизма, но с испанской спецификой. Они считали, что можно заимствовать популярные в Испании синдикалистские идеи для укрепления государственности и социальной стабильности (подобно тому, как Муссолини использовал профсоюзные структуры для создания корпоративного государства). Только, в отличие от анархистов, испанские фашисты считали, что синдикаты должны быть не демократическими самоуправляемыми профсоюзами, а структурами управления рабочим классом. Но «в его интересах». Рабочие, сплоченные в такие синдикаты, и их вооруженные отряды, должны нанести удар по буржуазному либеральному государству, которое не может решить социальных проблем, стоящих перед страной. Эти проблемы решит тоталитарная диктатура, как она это уже делает (по мнению Ледесмы и Редондо) в Италии. 10 октября 1931 г. ими была создана организация «Хунты национально-синдикалистского наступления» (ХОНС), ставшая одним из костяков правого радикализма и испанского фашизма. В 1933 г. Редондо создал первый национал-синдикалистский профсоюз. Но лидеры ХОНС не имели заметного влияния ни в рабочей среде, ни в правящей элите.

Зато широкие связи в элитарных салонах Мадрида имел сын бывшего диктатора Хосе Антонио Примо де Ривера. Он был хорошо известен как обаятельный, подающий надежды молодой человек ультраправых взглядов. Ему, как человеку молодому, и в то же время из хорошей семьи, дозволялось пропагандировать в элитарной среде откровенно фашистские взгляды, прежде всего «ценный опыт» Италии и Германии. 29 октября 1933 г. он создал свою организацию «Испанская фаланга». Провозгласив триаду «Империя — Нация — Единство», Хосе Антонио призвал к Крестовому походу и возрождению Империи, ради чего жизнь должна превратиться в военную службу. Участие населения в делах государства должно было осуществляться «через действия в рамках семьи, муниципалитета и профсоюза»[58]. Профсоюзы должны были строиться по фашистскому образцу.

Но вождю фашистов явно не хватало массовки. В феврале 1934 г. он договорился с Ледесмой о создании объединенной организации со сложным названием «Испанская фаланга и ХОНС», которую возглавил Хосе Антонио. Через год он изгнал из организации «плебея» Ледесму. «Фаланга» стала одним из костяков правого радикализма наряду с частью офицерского корпуса.

* * *

В условиях кризиса неприязнь части рабочих и крестьян к государственной власти — все равно какой, парламентской или диктаторской — привела к быстрому росту анархо-синдикалистских настроений.

Однако еще в 20-е гг. в среде анархистов развернулась борьба между умеренными лидерами движения (Анхель Пестанья и Хуан Пейро), которые считали возможным некоторое взаимодействие между государством и анархо-синдикалистским движением, и радикалами (Диего Абад де Сантильян, Хуан Гарсиа Оливер, Буэнавентура Дуррути и др.), которые отстаивали традиционное неприятие любого «оппортунизма» и право анархистской организации на руководство синдикатами.

Характерно, что вожди радикальных анархистов, став старше, возглавят НКТ и ФАИ в период их сотрудничества с правительством Народного фронта в 1936–1939 гг. и проведения в стране широкомасштабных синдикалистских преобразований.

Х. Пейро уже в конце 20-х гг. пришел к выводу, что «государство есть лишь машина управления» и при определенных условиях может развиваться к «широкой производственной демократии» или в «экономико-хозяйственную демократию как вид государства»[59]. Нужно думать не только о классовой конфронтации, но и о конструктивных задачах рабочего движения: «Мы, анархисты, должны в возможных рамках построить в капиталистическом мире наш собственный мир, но не на бумаге, с лирикой, в философской ночной работе, а в недрах практики, в которой мы сегодня и завтра будим доверие к нашему миру»[60]. После революции анархия и коммунизм не наступят сразу, «этап синдикализма не миновать. Он будет образовывать мост между современным режимом и либертарным коммунизмом»[61]. Для Пейро синдикализм — переходный этап на пути к анархии и коммунизму, которые для большинства испанских анархистов были неразрывными составляющими будущего анархо-коммунистического общества, либертарного, свободного коммунизма.

В качестве принципов организации профсоюза, а в дальнейшем и общества, Х. Пейро назвал формирование структуры снизу вверх, широкую автономию секций, действующих самостоятельно. Другой ячейкой общественного единства будет коммуна, где «не только сходятся отношения сельского хозяйства и индустрии, но и сплавляются совместные интересы общества»[62].

11-16 июня 1931 г. в Мадриде состоялся III конгресс НКТ, который восстановил организацию. Уже на этом съезде умеренным лидерам НКТ во главе с Х. Пейро пришлось отражать атаки радикалов.

Революция позволяла анархо-синдикалистам выйти из подполья, но они пока не собирались признавать республику своей. Дуррути был категоричен: «Республика нас не интересуется. Если мы и поддержали ее, то только потому, что рассматривали как исходный пункт для процесса демократизации общества, но, конечно, при условии, что республика гарантирует принципы, в соответствии с которыми свобода и социальная справедливость не будут пустыми словами»[63]. Но характерно, что этот радикальный анархист требует не перехода к анархическому коммунизму, а демократизации. Впрочем, его самого критиковал еще

более радикальный Гарсиа Оливер за то, что Дуррути в это время «принял позицию Пестаньи»[64], то есть одного из лидеров умеренного крыла НКТ.

Конгресс НКТ провозгласил, что «мы продолжаем прямую войну против государства». Но когда речь заходила о планах конкретных действий, говорилось о забастовках и просвещении, но не о вооруженном насилии[65]. Против терроризма выступало умеренное крыло анархо-синдикалистского движения во главе с А. Пестаньей. Он писал: «Огромная нагрузка, которая ложилась на плечи террористов и реальность результатов, которые произвел террор, заставляли меня сомневаться, оправдан ли счет. Сейчас я вижу, что нет»[66]. Иллюзии по поводу возможности использования террора в качестве метода достижения нового общества рассеивались. Терроризм, рожденный ожесточением классовых схваток и малой эффективностью легальных методов борьбы в авторитарном обществе, теперь становился анахронизмом и только дискредитировал организацию.

Но радикальные анархисты, преобладавшие в ФАИ, стремились к действиям, способным спровоцировать революцию. А старшее поколение лидеров НКТ считало, что «революция не может полагаться на смелость более или менее храброго меньшинства, но, напротив, она пытается быть движением всего рабочего класса, движущегося к своему окончательному освобождению, которое одно определит характер и точный момент революции»[67]. Эта мысль, изложенная в «Манифесте тридцати», подписанном в августе 1931 г. лидерами умеренных Х. Пейро, А. Пестанья, Х. Лопесом и др. (по числу 30 их стали называть «триентистами»), казалась лидерам ФАИ слишком оппортунистичной. Х. Гарсиа Оливер писал: «Нас не слишком заботит, подготовлены мы или нет к тому, чтобы сделать революцию и ввести либертарный коммунизм»[68]. Эта беззаботность аукнется в 1936 г.

«Триентисты» соглашались, что в стране сложилась революционная ситуация. Но это не значит, что уже есть предпосылки для создания анархического общества. Нужно готовить эти организационные предпосылки, укреплять самоорганизацию рабочих, а не заниматься путчизмом. «Триентисты» упрекали своих противников в том, что те верят «в чудо революции, как если бы она была святым средством, а не тяжелым и болезненным делом, которое переживают люди со своим телом и духом... Мы революционеры, но мы не культивируем миф революции... Мы хотим революции, но которая с самого начала развивается прямо из народа, а не революция, которую хотят делать отдельные индивиды, как это предлагается. Если они это будут осуществлять, это преобразуется в диктатуру»[69]. «Триентисты» предложили сразу после революции не надеяться на немедленное наступление анархии, а создать систему переходного периода — демократический синдикализм, обоснованный ранее Пейро.

Радикальный актив НКТ пока не воспринял эти прагматические идеи. ФАИ использовала это для того, чтобы поставить НКТ под свой идейный контроль, вытеснив прежних «оппортунистических» лидеров. Развернулась полемика между триентистской «Солидаридад обрера» и «Эль Лучадор», защищавшим радикальную позицию ФАИ.

Бойцы «Носотрос» тоже выступили против «триентистов». Б. Дуррути писал: «Ясно видно, что Пестанья и Пейро пошли на моральные компромиссы, не дающие им действовать по либертарному... Если мы, анархисты, не будем энергично обороняться, мы неизбежно

деградируем до социал-демократии. Необходимо совершить революцию, чем раньше, тем лучше, поскольку республика не может дать народу ни экономических, ни политических гарантий»[70]. Более того, раз в условиях кризиса модернизация будет проведена за счет рабочих, Дуррути считает необходимым остановить модернизацию. Нужно дестабилизировать существующую в Испании систему с помощью «революционной гимнастики масс», делать их все решительнее и опытнее в боевом деле. Дуррути разъяснял Гарсиа Оливеру смысл «революционной гимнастики»: «вожди идут впереди»[71]. Но Гарсиа Оливеру и некоторым членам «Носотрос» и ФАИ не нравилось, что Дуррути планирует акции этой гимнастики самостоятельно, как вождь, не считаясь с мнением товарищей. «Можем ли мы оказать тебе поддержку, когда ты постоянно ведешь себя так, словно работаешь сам за себя? Нам что, и дальше относиться к тебе с прохладцей из-за того, что ты, когда тебе удобно, плюешь на мнения группы?»[72]

Горячая социальная атмосфера, углубляющийся экономический кризис, делавший жизнь рабочих все тяжелее — все это придавало силы анархистскому радикализму, для которого крушение старого порядка было синонимом создания нового счастливого общества. Как пишет анархо-синдикалистский историк А. Пас, «в конечном счете именно радикальная тенденция навязала анархо-синдикалистскому объединению свою революционную линию»[73]. Однако слова «в конечном счете» тут явно лишние, поскольку радикалы 1931 года всего через несколько лет будут сами проводить как раз умеренную политику, предложенную «триентистами».

21 сентября 1931 г. Пейро был вынужден уйти с поста редактора газеты «Солидаридад обрера», что стало важной победой радикальных анархистов. Глаза радикалам застилала романтика «чистых идей». Гарсиа Оливер писал: «Революционные акции всегда действенны. Но диктатура пролетариата, как она понимается коммунистами и синдикалистами, которые подписали манифест, ничего не меняет. Здесь будет много попыток установить насилие как практическую правительственную форму. Эта диктатура вынужденно образует классы и привилегии»[74]. Оливер считал, что переходное общество синдикалистов — это диктатура, как у большевиков, что она вырождается в общество, против которого нужно будет совершить новую революцию.

Пейро доказывал, что предлагаемое им переходное синдикалистское общество не приведет к диктатуре: «Возможна лишь одна диктатура, при которой, как в России, меньшинство рабочих принуждает большинство... Синдикализм — это господство большинства»[75].

Российские анархисты сумели донести до западных товарищей критическое представление об опыте Российской революции. Но один вопрос, который станет критическим для анархистов с самого начала гражданской войны, остался незамеченным — что делать, если в начале революции «большинство» не захочет создавать ни анархического, ни синдикалистского общества?

А. Пестанья не хотел бросать НКТ на неподготовленную всеобщую забастовку. Когда Национальный комитет НКТ под давлением радикалов принял решение провести 29 мая 1932 г. всеобщую забастовку, «триентисты» во главе с А. Пестаньей ушли с постов. Забастовка, как и следовало ожидать, закончилась неудачей. Умеренные продолжали

протестовать против вспышкопускательства новых лидеров НКТ. 5 марта 1933 г. на каталонской региональной конференции «триентисты» вышли из НКТ. Связанные с «триентистами» профсоюзы выступили против «диктатуры ФАИ» (в действительности мифической — речь могла идти лишь о влиянии идей ФАИ) и образовали независимый от НКТ Национальный комитет связи. Позднее А. Пестанья организует небольшую Синдикалистскую партию, которая будет участвовать в правительстве Народного фронта.

Одновременно с конфликтом умеренных и радикалов НКТ развернула борьбу против коммунистов-большевиков в своих рядах. 17 мая 1931 г. проникшие в НКТ коммунисты создали «Национальный комитет НКТ», надеясь, что в условиях неразберихи, связанной с легализацией и притоком новых членов есть шанс перехватить инициативу у анархо-синдикалистов. Но старый костяк организации оказался сильнее. В апреле 1932 г. из НКТ была исключена федерация Героны и Лериды, оказавшаяся под контролем коммунистов-антисталинцев[76].

Руководство КПИ в новых условиях все никак не могло выйти из привычной изоляции. Коммунисты не жалели эпитетов, чтобы охарактеризовать ничтожество своих противников. Социалисты — «народ конченный», анархисты — «слишком правые», либералы — тайные монархисты[77]. После таких докладов в Коминтерне ждали мощного роста компартии.

Но воз не двигался с места, коммунисты оставались изолированной сектой. Попытались было «отщипнуть» часть актива у НКТ, но неудачно. Часть коммунистов тяготела к союзу с троцкистами. 17 марта 1932 г. в Севилье открылся IV съезд КПИ. В ЦК были избраны как прежние лидеры (Х. Бульехос, М. Адаме, А. Трилья), так и новая «молодежь» (уже более молодые лидеры, чем прежние «молодые» 1920 года) — Хосе Диас, Долорес Ибаррури, Педро Чека, Висенте Урибе, Антонио Михе. На плечи этой генерации ляжет управление партией в условиях революции. Они были более открыты к диалогу с социалистами и анархистами, и в то же время — куда более деловыми людьми, чем старое руководство. Новая генерация не собиралась слушаться Бульехоса и его друзей, и старые лидеры подали в отставку. Чтобы они не путались под ногами новых руководителей, 29 октября Бульехос и его товарищи были исключены из партии по решению Коминтерна. Обвинение отражало конфликт между двумя поколениями — Бульехос был обвинен в том, что «мешал выдвижению молодых кадров».

Новые менеджеры стали выводить из изоляции проблемную партию. Х. Диас, выдвинувшийся в качестве рабочего лидера в НКТ и вступивший в КПИ только в 1926 г., оказался в этом отношении настоящей находкой — динамичный, обаятельный, договороспособный, организованный лидер, опиравшийся на энергичную команду. Коммунисты сделали ставку на развитие своего профсоюза УВКТ, который сумел наберечь в свои ряды несколько десятков тысяч рабочих, недовольных оппортунизмом ВСТ и в то же время — излишним радикализмом НКТ.

Но, хотя численность КПИ и прокоммунистического профсоюза стала расти, они все еще заметно уступали и по численности, и по влиянию ИСРП и НКТ.

Коммунисты и оба анархо-синдикалистских течения приняли активное участие в стачечном движении. Находившийся в бедственном положении пролетариат снова стал «требовать свое». Однако только в 1933 г. стачечная волна превысила уровень 1920 г. Если в 1929 г. произошло 100 стачек, а в 1930 г. — 527, то в 1931 г. — 710, 1932 г. — 830, в 1933 г. — 1499[78]. Очень быстро трудовые конфликты вошли в привычное кровопролитное русло. Если профсоюзы не соглашались на предложенные им условия, власти бросали на забастовщиков гражданскую гвардию, то есть внутренние войска.

Поскольку профсоюзы ВСТ пользовались государственным арбитражем, чтобы хотя бы отчасти решить проблемы своих членов, часть рабочих, недовольных результатом таких компромиссов, сориентировались на НКТ. Анархо-синдикалисты проводили стачки так, будто никакого социального законодательства не существует, а гвардия только ждала повода, чтобы применить насилие против рабочих.

1 мая произошли столкновения в Барселоне, когда полиция попыталась остановить первомайскую демонстрацию, в которой шли вооруженные анархисты.

В июле 1931 г. гвардейцы открыли огонь по стачечникам в Сан-Себастьяне. Пулеметы как средство борьбы со стачкой, убитые и раненые — все это привело к расширению движения и превращению локальной стачки строителей в общегородскую забастовку. Вскоре подобные события произошли и в Севилье. Гвардия применила артиллерию, погибло более 30 рабочих. Более того, арестованных рабочих расстреливали без суда[79]. В разгар этих событий 21 июля был введен в действие декрет о запрете политических стачек. Либерализм повернулся к обездоленному люду авторитарным лицом.

НКТ не стала подчиняться и в августе провела в Каталонии всеобщую стачку солидарности с арестованными рабочими. После того как НКТ завершила стачку, радикальная часть рабочих, вдохновляемая ФАИ, продолжала бастовать до 4 сентября. Стачка не была мирной. Рабочие взрывали телефонные столбы, гражданская гвардия штурмом взяла штаб союза строителей.

В 1931–1933 гг. анархисты инициировали ряд сельских стачек, которые переросли в вооруженные столкновения. В декабре 1931 г., под Новый год, гражданская гвардия напала на организованный анархистами митинг батраков и безработных в эстремадурском местечке Кастильбланко. Разъяренная толпа бросилась в контратаку и буквально растерзала четырех гвардейцев. В январе 1932 г. уже социалисты вывели рабочих на улицы в городке Арнеде — в знак протеста против увольнения рабочих за членство в профсоюзе. Гражданская гвардия открыла огонь по митингующим, убив несколько демонстрантов.

17 января 1932 г. в Бильбао монархисты собрались на митинг, и когда из толпы молодой человек крикнул «Да здравствует Республика!», монархист открыл огонь из пистолета и убил троих юношей. Вскоре город был заполнен возмущенными республиканцами, преимущественно рабочими-социалистами. Монархисты ушли в подполье, опасаясь

расправы, но демократы оказались гуманнее традиционалистов.

Оружие применяли представители разных политических течений. Сама социальная ситуация и культурная среда Испании дышали предчувствием гражданской войны. Но, пожалуй, именно анархисты в наибольшей степени были готовы менять эту жизнь прямо сейчас. В Сальенте население под влиянием анархистов провозгласило себя свободной общиной и несколько дней отбивалось от гражданской гвардии.

18 января 1932 г. анархисты, перехватив инициативу у коммунистов (те планировали общенациональную стачку чуть позднее), подняли на забастовку рабочих нескольких шахтерских городков в Пиренеях (Ман-Гессан, Фигольс, Берга и др.). Рабочие установили власть профсоюза, объявили об отмене государства, частной собственности и денег, ввели распределение продуктов по талонам и продолжили работать. Рабочие избрали одним из своих лидеров Гарсиа Оливера и призвали анархистов на помощь. Отряд Дуррути и братьев Аскасо принял участие в пятидневных боях. Анархисты швыряли бомбы в полицию и войска. Рабочие Барселоны, которые уже провели крупную стачку в сентябре, поддержали повстанцев своей забастовкой, но это не помогло. Войска рассеяли повстанцев. Было арестовано несколько сот рабочих активистов, из которых 120, в том числе Дуррути и Аскасо, были отправлены в ссылку в колонии.

Тогда анархисты и коммунисты 15 февраля объявили забастовку протеста против высылки повстанцев. Стачка охватила города по всей Испании, хотя не стала всеобщей. Анархисты нападали на силы охраны порядка и штрейкбрехеров. Хотя движение не добилося немедленного успеха, ссылкой через несколько месяцев разрешили вернуться.

В мае 1932 г. стала нарастать новая волна социального протеста. Стачки против условий, согласованных смешанными комиссиями, охватили Андалусию и Эстремадуру. Рабочие НКТ из принципа отказывались использовать государственное посредничество. Но, впрочем, они не были чужды «соглашательства» — просто предпочитали достигать соглашений с предпринимателями напрямую, без помощи государства[80]. Одновременно крестьяне в нескольких деревнях провозгласили коммунизм и захватили помещичьи земли.

В обстановке революционного возбуждения радикалы получили преобладание в Национальном комитете НКТ, и он провозгласил всеобщую стачку 29 мая 1932 г. «Триентисты», как уже говорилось, не желали участвовать в аванюре и ушли в отставку. Новое руководство во главе с временным генсеком М. Ривасом приступило к созданию вооруженных групп в профсоюзах. «Триентисты» оказались правы: забастовка вылилась в серию столкновений, в которых силы охраны порядка разогнали манифестации стачечников, и те не смогли оказать им существенного сопротивления.

Впрочем, осенью волна стачек повторилась. Снова в городах (Барселона, Севилья, Гранада, Алькой и др.) происходили столкновения стачечников и гражданской гвардии, а в деревнях (Уэрена, Ла-Песа, Льерена, Навальморале и др.) восставшие крестьяне провозглашали коммунизм и раздавали населению захваченное в магазинах продовольствие. В городах на магазины нападали толпы безработных. Выступления вели за собой аресты, а аресты — стачки солидарности.

Тогда радикальные лидеры НКТ, стремившиеся к «настоящему делу», решили, что снова настало время нанести Системе решительный удар. Был создан революционный комитет во главе с Б. Дуррути, который стал готовить восстание, опираясь на созданные при синдикатах НКТ вооруженные «комитеты защиты». «Революция» должна была начаться с забастовки железнодорожников. Но вот беда — сами путейцы бастовать не очень хотели. Волна стачек в Испании уже шла на спад.

Пока шли дискуссии, полиция напала на след заговорщиков и обнаружила склады с оружием. Тогда «комитеты защиты» стали требовать сигнала к восстанию, пока все не пропало. Железнодорожников удалось уломать начать стачку 19 января 1933 г., но Каталонский «комитет защиты» заявил Ривасу, что поднимет восстание безо всякой стачки уже 8 января. Анархистские радикалы стали отрываться от рабочей массы, планы революции выродились в путч. Ривас, который возглавлял профсоюз и в то же время был радикальным анархистом, продемонстрировал эту двойственность: как представитель НКТ он был против восстания, а как «товарищ-анархист» — за[81].

Это противоречие определит дальнейшее развитие анархо-синдикализма в Испании. Люди, отвечавшие за большую организацию, за НКТ, склонялись ко все большему реализму. Радикальные анархисты, для которых революционное действие было смыслом жизни, стремились свергать, не очень задумываясь о конструктивной стороне дела.

В итоге радикалы, пришедшие к лидерству в НКТ на волне борьбы с «соглашателями»-«триентистами», постепенно становились умереннее, но сама организация в результате «революционной гимнастики», проповедуемой Дуррути, лучше других в Испании подготовилась к повстанческой борьбе. Вопреки ожиданиям Дуррути и других радикалов, эта «гимнастика» пригодилась самой Республике в июле 1936 г. А после начала глубокой социальной революции в июле 1936 г. конструктивные задачи, вставшие перед анархо-синдикалистами, оказались столь сложны, что быстро научили бывших радикалов умеренности.

Как и следовало ожидать, январское восстание 1933 г., организованное группой «Носотрос» и ее сторонниками в «комитетах защиты», вылилось в пшик. 8 января анархисты взорвали бомбу в полицейской префектуре, 8–9 января произошли перестрелки в Барселоне и нескольких городах Каталонии, и все стихло. Излишне говорить, что стачка железнодорожников была сорвана. Зато когда в деревнях Леванта и Андалусии прослышали о восстании в Барселоне, решили, что «началось», и подняли восстания, впрочем, быстро подавленные. 10 января НКТ официально отмежевалась от выступления: «...упомянутые события имели исключительно анархистское значение, и органы Конфедерации никоим образом не вмешивались в них. Но, хотя мы и не вмешивались, мы никоим образом не обвиняем тех, кто мужественно начал их, потому что мы — тоже анархисты»[82]. Мы — ни при чем, виноваты анархисты, но мы — не осуждаем, потому что тоже анархисты. Власти не оценили этой сложной диалектики. Правительство ответило на выступление волной арестов анархо-синдикалистов, которая привела к серьезным разрушениям в структуре НКТ. По итогам «разбора полетов», 30 января 1933 г. радикальный НК НКТ ушел в отставку. Однако, получив урок, радикалы все равно не признали правоту «триентистов», что предопределило окончательный раскол НКТ с ними в марте 1933 г.

Несмотря на общую неудачу январского выступления, оно все же косвенно нанесло удар по левым республиканцам. Одно из январских деревенских восстаний произошло в деревне Касас-Вьехас в Андалузии. Крестьяне захватили земли герцога Мединасели. Гражданские гвардейцы запросили поддержку, и им прислали штурмовую гвардию («асальто»). Это была новинка — специальные подразделения, созданные для защиты Республики. Правда, «штурмовиков» бросили не против реставрации, а против революционных движений. Выбив анархистов из местечка, «асальто» провели «зачистку». Пожилой анархист Сейдесос не пустил их в свой дом, и началось новое сражение. Дом Сейдесоса и его дочери Либерталии обороняло несколько человек. Кончилось тем, что дом разбомбили с воздуха. Под шумок расстреляли пленных анархистов. Немотивированная жестокость «асальто» шокировала страну. «Правительство убийц» было атаковано в кортесах справа. Популярность либералов упала, что способствовало их поражению на муниципальных выборах в апреле 1933 г. После принятия в мае закона о религиозных конгрегациях, направленного против Церкви, президент-католик Алкала Самора указал премьер-министру Асанье, что тот уже не пользуется поддержкой президента. Несмотря на то, что правительство Асаньи в этот момент устояло, правые воспряли духом и фактически заблокировали работу парламента. Новые выборы стали неизбежными. 9 сентября 1933 г. после очередной неудачи во время формирования Трибунала конституционных гарантий Асанья ушел в отставку. 12 сентября по поручению президента правительство сформировал А. Леррус, который не включил в него социалистов. Такое правительство не имело поддержки в парламенте и получило вотум недоверия (временным премьер-министром стал однопартиец Лерруса М. Баррио). 9 октября Кортесы были распущены, началась предвыборная кампания.

На своих манифестациях анархо-синдикалисты призывали рабочих не голосовать, потому что все партии одинаковы, и есть только одна альтернатива — социальная революция или фашизм.

Под влиянием анархо-синдикалистской агитации за бойкот выборов («электоральная стачка») значительная часть левых избирателей просто не пришла на избирательные участки на выборах 19 ноября и 3 декабря 1933 г. Ухудшение социальной ситуации в 1932 г. также вело к падению авторитета либерально-социалистической коалиции. Правые получили 3345 тыс. голосов (СЭДА — 98 мест), радикалы — 1351 тыс. (100 мест), социалисты — 1627 тыс. (60 мест), левые либералы — 1 млн (70 мест), коммунисты — 400 тыс. (но не победили ни в одном округе). Для того, чтобы опередить правых, левым не хватило 400 тыс. голосов (анархо-синдикалисты контролировали около полумиллиона)[83].

Правый курс и стратегии левых (1933–1934)

К власти пришел либерально-консервативный блок во главе с лидером Радикального союза А. Леррусом. Бывший радикальный либерал, теперь позиционировавший себя как центрист, практически перешел в консервативный сектор политического спектра.

Правительство правых фактически остановило аграрную реформу, отменило социальные выплаты и стало спонсировать Церковь.

Левые называли Лерруса «испанским Брюнингом» (имея в виду канцлера Германии, при котором возникли предпосылки для прихода к власти Гитлера), и анархисты считали, что теперь только восстание может остановить фашизм. К этому взгляду постепенно склонялись и социалисты, но анархисты стремились перехватить инициативу.

НКТ создала секретариат обороны во главе с А. Ортисом и Национальный революционный комитет в составе Б. Дуррути, С. Меры, И. Пуэнте и др. Новую всеобщую стачку назначили на декабрь. Незадолго до ее начала правительство развернуло массовые аресты анархистского актива. Но радикалы анархизма снова решились выступить в невыгодных условиях.

Через четыре дня после выборов Национальный ревком прибыл в Сарагосу. Стали распространяться листовки с призывом к рабочим занять предприятия, сформировать рабочие комитеты и объединяться в Советы. 8 декабря началась всеобщая стачка анархо-синдикалистских профсоюзов, которая переросла в восстание в Сарагосе и нескольких городках и деревнях Арагона и Каталонии. Крестьяне нескольких деревень по традиции провозгласили коммунизм. Восстание в деревнях было подавлено с помощью авиации. Ревком в Сарагосе продержался четыре дня. Силы были очевидно не равны, большинство рабочих не поддержало анархо-синдикалистскую попытку, и 14 декабря НКТ призвала к прекращению стачки и восстания. Анархисты снова оказались в полуподполье. Уже в августе 1933 г. в тюрьме находилось 9 тысяч забастовщиков и повстанцев (что в Испании часто было тем же самым).

18 декабря в Испании было введено чрезвычайное положение. Правительство использовало его для ударов как по НКТ и КПИ, так и по социалистам — закрывались народные дома ВСТ и распускались некоторые социалистические муниципалитеты.

Оказавшись в оппозиции, ИСРП стала быстро радикализироваться. Левое крыло во главе с Ф. Ларго Кабальеро лидировало в ИСРП. Еще до поражения на выборах 1933 г., 23 июня этого года Ларго Кабальеро выступил с сенсационным докладом «Социалисты и республика», в котором говорил: «Мы знаем, что если наша партия и наши организации окажутся в такой ситуации, когда для того, чтобы воспрепятствовать установлению фашизма, надо будет установить диктатуру пролетариата, мы пойдем на это»[84]. Доклад произвел в среде социалистов эффект разорвавшейся бомбы, Х. Бестейро категорически протестовал против возможности установления диктатуры пролетариата в Испании, повторяя основные аргументы идеологов II Интернационала. Ведь уровень развития Испании ниже даже, чем уровень развития России. Какое же строительство социализма, какая диктатура пролетариата! Бестейро считал «диктатуру пролетариата для Испании абсурдом и пустой детской иллюзией»[85] (как не вспомнить известную оценку Плехановым «Апрельских тезисов» Ленина). Но Ларго Кабальеро настаивал, и в августе высказался еще более определенно: «Если у меня и были колебания, то они рассеялись после двадцати с лишним месяцев существования правительства Республики: теперь я убежден, что невозможно реализовать дело социализма внутри буржуазной демократии. Одно дело социальные реформы внутри буржуазной демократии и другое дело — социализм»[86]. Так в чем же

тогда различие между левыми социалистами и коммунистами? «Нас разделяет тактика, методы»[87]. Как покажут события гражданской войны, в этих методах заключались и важные стратегические различия.

После поражения на выборах политический поворот Ларго Кабальеро был поддержан партией и ВСТ, который в январе 1934 г. взял курс на подготовку всеобщей забастовки. Ларго Кабальеро совместил посты председателя ВСТ, генерального секретаря ИСРП и председателя парламентской фракции партии. Радикально выглядели и выступления И. Прието, который после падения авторитета Х. Бестейро стал вторым по влиянию лидером ИСРП. Он выступал за восстание во имя спасения республики. Но, в отличие от Ларго Кабальеро, И. Прието выступал против социалистических преобразований в Испании, за возрождение союза с левыми республиканцами[88]. Для него радикальные средства служили задачам крайне умеренных преобразований, по сути — столь же умеренной политики, как и та, за которую радел Бестейро[89]. Уже в это время радикальные речи были для Прието маской, скрывающей лицо правого социалиста.

По мнению лидеров ИСРП (и Ларго, и Прието) началось движение к фашизму и монархии, и этому следовало противостоять даже вооруженным путем. В результате ИСРП стала сближаться с коммунистами, а также с националистами Каталонии, права которой на автономию ущемлялись правым правительством. Еще во время выборов произошел примечательный эпизод. Вступивший в КПИ доктор Каэтано Боливар был поддержан социалистами и демократами и прошел в кортесы. Хотя дело было больше в обаянии Боливара, чем в блокировании партий, это был первый прецедент союза левых сил. Коммунисты были настроены на сближение с социалистами, у которых еще со времен их пребывания у власти образовались запасы оружия. Оно было заготовлено для поддержки демократического восстания в Португалии. Но отстранение испанских социалистов от власти поставило крест на проекте «братской помощи» португальским демократам, а оружие было спрятано «на всякий случай». Коммунисты считали: «Если нам удастся установить взаимное доверие с социалистическими рабочими с самого начала повстанческого движения, то мы получим необходимое оружие и с его помощью найдем остальное»[90].

Коммунисты предложили социалистам и анархистам создать «единый фронт снизу» — общие непартийные организации. Этот метод использовался компартиями в других странах для сманивания у социал-демократов наиболее радикальных рабочих. Социалисты в ответ промолчали, а анархо-синдикалисты осудили «наглое приставание с единым фронтом» коммунистов, которые «представляют собой не что иное, как демагогическую буржуазную разновидность, ... они стремятся к установлению диктатуры столь свирепой и столь подлой, как диктатура Гитлера... Единый фронт с коммунистами равносителен союзу со всей антипролетарской реакцией»[91].

Социалисты промолчали не зря — им понравилась идея. Они стали создавать «рабочие альянсы» (объединение социалистов и профактива ВСТ), приглашая в них рабочих других направлений.

Дело сближения левых сил шло туго. У сторон было немало оснований подозревать друг друга в стремлении перехватить чужой актив.

Коммунисты относились к анархо-синдикалистам как к противнику и стремились к их изоляции от рабочих масс. Именно такая задача ставилась политкомиссией секретариата ИККИ на заседании 15 февраля 1933 г. В то же время стратеги Коминтерна признавали, что изолировать рабочие массы от анархо-синдикалистов труднее, чем от социалистов, из-за «внешней революционности» анархизма. Рабочие анархисты — «честно заблуждающиеся революционеры», — говорилось в материалах к этому заседанию[92].

29 декабря 1933 г. Ларго Кабальеро высказался за единый фронт, но не «снизу, как у коммунистов, а путем соглашения между партиями»[93]. Анархо-синдикалистов «верхушечное соглашение» как раз не устраивало. 30 января 1934 г. один из лидеров НКТ О. Фернандес писал: «Единый фронт может быть осуществлен... Самое главное, чтобы этот единый фронт базировался на революционной платформе и чтобы при этом основой для согласия служило бы только одно условие: исключение всякого сотрудничества с буржуазным режимом»[94]. Обсудив политику союзов на пленуме 10–12 февраля 1934 г., представители региональных организаций НКТ решили, что на определенных условиях можно вступить в союз с ВСТ, но не с партиями. Однако 28 марта в Астурии был создан «Рабочий альянс» как союз социалистов, коммунистов, ВСТ и НКТ региона. Этот союз возглавит восстание в Астурии в октябре 1934 г.

А пока астурийское начинание вызывало опасение лидеров НКТ. 4 июля 1934 г. А. Жиляберт в «Солидаридад обрера» заявил: «Неправда... что НКТ когда-либо вздумала участвовать в политике или согласиться на союз с коммунистами и социалистами»[95]. Под «политикой» имелось в виду участие в выборах.

В августе 1934 г. некоторые коммунисты и умеренные анархисты стали вступать в созданные социалистами «рабочие альянсы». Коммунисты оправдывали присоединение к организации социалистов тем, что рабочие альянсы могут стать «эмбрионами советов»[96]. Так был сделан первый шаг к созданию Народного фронта в Испании. Но потом дело застопорилось — лидеры социалистов, коммунистов, республиканцев, каталонских националистов и анархистов находились в состоянии идеологической войны между собой.

* * *

Раскол НКТ и неудачи стачек-восстаний в 1933 г. заставили анархо-синдикалистов заняться переосмыслением своего идейного багажа в сторону большей умеренности и практичности. Еще в 1931 г. такие будущие лидеры испанского анархо-синдикализма, как Диего Абад де Сантильян, придерживались взгляда, в соответствии с которым «анархизм — это идеал без границ. Он не может быть помещен в рамки программы»[97]. По мнению Федерико Уралеса «Анархизм должен создаваться бесконечным множеством систем и индивидуумов, свободных от любых оков. Он должен быть экспериментальным полем для всех типов человеческих темпераментов»[98]. Получается — нечего и думать об обществе после свержения государства и капитала — народ сам разберется. Но среди «разных

темпераментов» могли оказаться и люди умеренных взглядов. А тут еще «триентисты» начали работать над проектом переходного общества от революции к анархии. В 1934 г. Д. Абад де Сантильян публикует в работе «Экономическая организация революции» конструктивную программу, которую предлагал испанскому анархо-синдикализму. Как анархист, автор признает право производств и регионов на широкую автономию. Ссылаясь на П. Кропоткина, он пишет: «Выгоды регионального хозяйства основываются на том, что человек в отдельных регионах лучше может понять проблему и вместе с тем он выступает за ее развитие с большим интересом и воодушевлением». Но Абад де Сантильян протестует против хозяйственного «провинциализма». Он считает: «Автономия не означает несолидарное отделение или независимость, поскольку все области Испании по необходимости зависимы друг от друга»[99]. Согласно Абаду де Сантильяну, местная экономическая автономия — это анахронизм, а все теории о вольных, самообеспечивающихся коммунах — реакционные утопии.

В это время идеолог НКТ испытал влияние французского синдикализма[100]. Это сказалось на его концепции. Необходимо «связать свободу отдельного с обязанностями целого общества... Хозяйственный индивидуализм и локализм бесперспективны. Хозяйство должно быть планируемым, с тем, чтобы исключить индивидуализм»[101]. Поэтому после революции координация производства и распределения должна осуществляться производственными советами, делегаты которых будут объединены в индустриальные и отраслевые советы. Их работу будет, в свою очередь, координировать Объединенный экономический совет, который «состоит из делегированных производственных отраслей. Он представляет хозяйство всей страны»[102]. Получается конкретный проект регулирования экономики[103]. Эта модель очень похожа на демократическое федеративное государство. Такой образ будущего выглядит уже гораздо более конкретно и умеренно, чем прежние позиции антитриентистов. Обдумывая, как можно реорганизовать общество после революции, анархо-синдикалисты готовили ее не в меньшей степени, чем когда доставали оружие[104].

И вот Абад обращается к самой болезненной теме: «Мы все равно останемся меньшинством, даже если в массах революция пробудит волю к освобождению, которая пока текучкой заслонена. Нельзя навязывать мнения силой, но можно силой обороняться... Наше преклонение перед свободой должно включать также свободу наших противников, их частную жизнь, но всегда при условии, что они не будут агрессивны и не будут пытаться подавлять свободу других»[105]. Таким образом, было ясно, что первоначально после революции наряду с анархистской системой будут существовать другие «сектора», и общество будет переходным. Анархистам придется как-то выстраивать отношения с ними, сотрудничать с другими революционерами. Анархический коммунизм сразу не возникнет.

Программа Абада де Сантильяна уже мало отличается от идей триентиста Пейро. А это создавало возможность для объединения анархо-синдикалистов на основе прагматической тактики. А значит — для интеграции всех левых сил.

Октябрьское восстание и возникновение Народного фронта

Очередные правительственные перестановки резко обострили ситуацию. В сентябре, обвинив правительство радикала Риккардо Сампера в неспособности навести порядок в стране (манифестации левых сорвали конференцию молодежи СЭДА в Астурии), Хиль Роблес спровоцировал правительственный кризис, дабы взять власть самому. 1 октября Сампер ушел в отставку. Но президент опасался энергичного вождя правых, которого его сторонники уже открыто называли «хефе» (испанский эквивалент слова «фюрер»), и предложил сформировать новое правительство Леррусу. Бывший борец с Церковью был готов пригласить в коалицию клерикалов — религиозный вопрос уже не играл той роли, что прежде, ибо на первый план вышли социальные проблемы. Левые с возмущением утверждали, что в правительство могут войти «фашисты». Действительно, в СЭДА входила организация «Испанское обновление», лидер которой Хосе Кальво Сотело, бывший министр финансов при диктаторе Примо, отстаивал право-радикальные идеи, предельно близкие к фашизму. Он утверждал: «рабочие-аристократы, которые в случае установления анархо-коммунистического режима оказались бы в худшем положении, когда им подобные в России работают больше, а получают меньше, бросаются в эту авантюру, потому что их опьянили, их отравили ядом классовой борьбы. Поэтому надо зафиксировать принцип со всеми его последствиями. Надо ликвидировать классовую борьбу как самый факт. Ясно, что устранение классовой борьбы — это задача, которая не под силу ни вам, ни какому бы то ни было правительству в либеральном государстве. Эта задача может быть выполнена только в государстве с руководимым из единого центра хозяйством, в государстве, преследующем верховные интересы национальной промышленности, обуздывающем в одинаковой мере как аппетиты профсоюзов, так и злоупотребления плутократии»[106]. Американский посол писал о Кальво: «Это был настоящий фашист»[107]. Репутация Кальво Сотело окрашивала в коричневые тона всю СЭДА, хотя ее лидер Хиль Роблес был не фашистом, а консерватором. Но и он проявлял большой интерес к применению в Испании отдельных черт фашистской модели, а молодежная организация СЭДА действовала в тесном контакте с фалангистами.

Обстановка накалилась, Ларго Кабальеро публично заявил, что если СЭДА войдет в правительство, социалисты призовут народ к восстанию.

4 октября было объявлено, что Леррус включил в свое правительство трех министров СЭДА. В ответ социалистический профсоюз начал всеобщую стачку, которая быстро переросла в восстание.

Позднее лидер СЭДА Хиль Роблес говорил: «Нас обвиняют в том, что своим вступлением в правительство мы вызвали такое возбуждение среди рабочих масс, которое вылилось в восстание; чтобы избежать гражданской войны, было бы лучше отсрочить наше участие в правительстве Лерруса. Но те, которые нас обвиняют, совершенно не поняли развития ситуации. Если бы мы ждали еще несколько месяцев, укрепился бы единый фронт, рабочие альянсы укоренились бы повсюду, последовательно революционные партии завоевали бы гегемонию в этом движении, и нет сомнения, что революция восторжествовала бы, и в

данный момент мы имели бы в Испании советы»[108]. Хиль Роблес существенно преувеличил силы революционеров. Но суть своей политики сформулировал четко: никаких уступок левым и рабочим организациям, выкорчевывание рабочих альянсов. Поскольку социальное положение рабочих оставалось бедственным, после нового поправления правительства они рвались в бой.

5 октября ВСТ начал всеобщую забастовку, которая была поддержана коммунистами и каталонскими националистами и переросла в Астурии и Каталонии в вооруженное восстание. Анархисты в Астурии присоединились к стачке через несколько часов по собственной инициативе. Однако в целом НКТ отнеслась к выступлению настороженно, так как ИСРП сменила лозунг «Вся власть рабочим альянсам!» на «Вся власть социалистической партии!»[109] Сражаться за установление власти какой-либо партии анархистам не хотелось. В Мадриде лидеры анархистов выступили против несогласованной с ними стачки, но организации НКТ присоединились к ней.

В Каталонии власть захватило автономное правительство — Женералитат во главе с Луисом Компанисом (он стал лидером Ескьеры после кончины Масиа в 1933 г.). 6 октября Компанис зачитал восторженной толпе акт о провозглашении Каталонского государства.

Правительственные силы, управляемые ветераном марокканской войны генералом Франсиско Франко, быстро изолировали очаги восстания и подавили выступление почти по всей стране.

8 октября Компанис капитулировал, после чего социалисты прекратили сопротивление. Лишь в Астурии продолжались бои. 5 октября шахтеры подняли над городами Астурии красные флаги и двинулись на Овьедо. Власть в Астурии взяли рабочие комитеты, включавшие социалистов, коммунистов и анархистов. Они провозглашали социалистическую республику. Астурийский ревком возглавили депутаты-социалисты Белармино Томас и Рамон Гонсалес Пенья.

Опасаясь за надежность войск, правительство направило в Астурию марокканский легион во главе с полковником Хуаном Ягуэ, будущим генералом гражданской войны. Хотя формально командующим карательной операцией в Астурии был генерал Лопес Очоа, фактически из Мадрида ее координировал Франко, которому напрямую подчинялся Ягуэ. Две недели шли упорные бои в горной местности и в городах. Пока повстанцы численностью до 20 000 бойцов сжимали кольцо вокруг гарнизона Овьедо, захватив почти весь город, каратели сжимали кольцо вокруг Астурии. Рабочие устраивали взрывы (шахтеры хорошо умели пользоваться динамитом), но с другим оружием было плохо. К тому же, узнав о поражении движения в остальной Испании, часть делегатов ИСРП вышла из ревкома. Когда у повстанцев кончились боеприпасы, они вынуждены были прекратить сопротивление. По соглашению с генералом Очоа 18 октября повстанцам было обещано, что репрессий не будет. Ягуэ не стал выполнять это обещание, разрешив своим марокканцам «порезвиться». Испания была шокирована известиями из Астурии. Массовые расстрелы пленных без суда были не самым жутким. Марокканцы показали, что такое война по-африкански. Они демонстрировали друг другу лихость, разрубая пленных пополам. Массовые изнасилования без разбора возраста венчали картину. В ходе боев и последующих расправ погибло от 1 до

3 тысяч человек, около 30 тыс. было арестовано.

И. Эренбургу через полтора года показывали места бессудных расстрелов — еще сохранились пятна крови, свидетели рассказывали о зверских пытках «самолетом» (это когда человека растягивают на дыбе) и кипятком[110]. Сегодня испанский историк Л. Пио Моа причислил эти зверства к мифам: «Не существовало жестоких и кровавых репрессий в Астурии после революции 34-го, упомянутых в сотнях книг»[111]. Просто не было, и все тут.

Лидеры социалистов, коммунистов и каталонских националистов, включая Ларго Кабальеро и президента Женералитата Компаниса, оказались в тюрьме. И. Прието бежал за границу и впал в пессимизм (эта реакция на поражения вообще была характерна для него)[112]. Несмотря на то, что анархо-синдикалистские лидеры узнали о забастовке и восстании из газет, среди актива НКТ также были проведены аресты. В феврале-марте 1935 г. трибунал вынес 20 смертных приговоров и множество приговоров к длительным срокам тюремного заключения. Возникла возможность обезглавить оппозицию. Но в то же время было очевидно, что это создаст в среде левых культ павших героев, и на место казненных придут новые лидеры. Ширилась кампания либеральной интеллигенции и левых партий за спасение приговоренных от казни. Так что 30 марта 1935 г. правительство выступило за отмену смертных приговоров (в знак протеста министры СЭДА вышли из кабинета Лерруса, но вскоре вернулись, причем в мае Хиль Роблес стал военным министром). Смертные приговоры были заменены заключением. И. Эренбург в апреле 1936 г. спрашивал одного из приговоренных к казни за октябрьское восстание С. Кастельона, «сколько времени он ждал смерти. Он ответил: „Пятнадцать месяцев. Только я ждал не смерти, а революции...“[113]

* * *

На свободе остались многие социалистические лидеры, а также левые республиканцы, надежда которых на возвращение к власти была связана с возрождением силы социалистов. Они развернули кампанию против правительства, успеху которой способствовали скандалы в правом лагере, связанные с коррупцией, а также продолжение падения жизненного уровня большинства испанцев. В итоге все большее влияние приобретали идеи левого блока, который сможет остановить наступление правых.

Однако идеи так могли и остаться идеями, если бы не удалось найти мостка между недавними непримиримыми врагами — социалистами и коммунистами. В это время во Франции стартовал эксперимент „Народного фронта“, в который вошли не только социалисты и коммунисты, но и либералы. Коминтерн только что принял решение о допустимости распространения такого опыта[114], и теперь все зависело от инициативы снизу. В качестве „мостика“ между левыми было использовано пацифистское прокоммунистическое движение „Амстердам-Плейель“[115]. Его представитель (работавший также и на Коминтерн) был направлен в Испанию, и от имени движения стал „мирить“ социалистов, коммунистов, либералов и анархистов. Задача не из легких, но стремление к реваншу над консерваторами у левых было велико и оно помогло найти компромисс. К 16 января 1935 г. удалось договориться с несколькими мелкими партиями и профобъединениями о том, что они выступят зачинщиками блока. Основные левые партии

были еще запрещены. Эмиссар докладывал, что „из запрещенных в настоящее время партий и профсоюзов к народному фронту примкнут представители персонально, а позднее, в случае снятия осадного положения, официально присоединятся и сами организации“[116]. Этот план делал само существование осадного положения бессмысленным — предвыборный блок с участием видных либералов и социалистов возник бы неизбежно. Уже в январе с инициативой создания фронта готовы были выступить видный социалист Х. Альварес дель Вайо, литератор А. Мачадо, депутат-федералист Ф. Рокка. 20 января состоялась беседа с полномочным представителем ИСРП, который был удовлетворен, что инициаторами переговоров выступили не коммунисты, а Амстердам-Плейель. К 22 января были подготовлены лозунги нового блока: борьба против реакции, снятие осадного положения, защита демократии и парламентских свобод, освобождение политзаключенных, ликвидация трибуналов, отмена смертных приговоров и защита мира. Поскольку дело взяли в свои руки либералы и пацифисты (хотя и прокоммунистические), политические требования отодвинули пока на задний план социально-экономическую программу. Она была сформулирована позднее, когда в „Народный блок“ вошли социалисты и коммунисты.

Анархисты по-своему готовились к грядущим переменам. Они извлекли уроки из неудач 1933–1934 гг. Доклад Комитета революционной подготовки на региональной конференции анархистов Барселоны в январе 1935 г. гласил: „Социальная революция не может рассматриваться как смелый удар в стиле государственных переворотов якобинцев без того, чтобы с неизбежностью в результате не разразилась продолжительная гражданская война“. Эта война „требует колоссальной подготовки, в которой государство и государственники имеют преимущество. Но в этих условиях анархисты должны готовиться к участию в продолжительной вооруженной борьбе, вызванной не ими“[117].

Анархисты собирались не в „Народный фронт“ вступать, а дожидаться столкновения между левыми и правыми, после чего делать „свою игру“. В то же время НКТ продолжала сотрудничать в рабочих альянсах, придерживаясь той же тактики „фронта снизу“, от которой уже начали отходить коммунисты. Посланник „Амстердам-Плейеля“ информировал свое руководство в Коминтерне: „Мы рассчитываем, что, втянувшись в ряды единого фронта, анархисты уступят натиску других элементов и в дальнейшем примкнут также к народному фронту“[118]. В целом этот расчет оказался верным.

В марте 1935 г. Коминтерн рекомендовал создать в Испании блок социалистов и коммунистов с возможным подключением анархистов. Такой „Народный фронт“ должен был „идти по большевистскому пути“ и бороться за „контроль советов над производством“[119].

2 июня 1935 г. Х. Диас публично выступил за создание Народного фронта с социалистами. И. Прието, искавший возможности любой ценой взять реванш за октябрь, поддержал идею блока от коммунистов до левых либералов.

В сентябре 1935 г. Леррус и члены его администрации были уличены во взяточничестве. Президент Алкала Самора был вынужден отправить правительство Лерруса в отставку (формальный повод — несогласие правых с предоставлением даже минимальных прав автономии Каталонии), заменив его 25 сентября блеклым политиком Чапаприетой.

В условиях ослабления правого центра усилилась роль левого. В апреле 1934 г. Республиканское действие М. Асаньи, левое крыло Радикал-социалистов (лидер М. Доминго) и Автономная республиканская организация Галисии (лидер С. Касарес Кирога) создали Левую республиканскую партию (ЛРП), которая стала наиболее влиятельной политической силой либералов. Вернуться к власти они могли теперь только в союзе с социалистами. 14 ноября Асанья предложил блок исполкому ИСРП.

9 декабря СЭДА отказала правительству Чапаприеты в доверии — Хиль Роблес считал, что теперь путь к власти расчищен для него. Но президент и на этот раз не захотел отдавать премьерское кресло „хефе“. 4 января 1936 г. Алкала Самора назначил выборы, вплоть до которых правительство должен был возглавлять консервативный политик Мануэль Портела Вильядарес.

Раз предстоят новые выборы, режим чрезвычайного положения должен быть устранен. В январе 1936 г. ограничения на деятельность левых партий были сняты. В декабре 1935 г. на процессе Ларго Кабальеро он был оправдан. Общественный климат опять изменился.

Сразу после выхода из тюрьмы Ларго Кабальеро поддержал союз с коммунистами и республиканцами. События 1934 г. привели к тому, что левые социалисты оказались левее коммунистов. Сначала казалось, что это — результат временных обстоятельств. Позднее выяснится, что речь идет о долгосрочном сдвиге. Социальная ситуация радикализировалась, и наиболее чуткими к этому сдвигу были профсоюзы, а значит — анархо-синдикалисты и левые социалисты (кабальеристы). В 1935 г. этот сдвиг способствовал сближению коммунистов и кабальеристов и образованию Народного фронта, но уже в 1937 г. левый курс Ларго Кабальеро резко разведет его с КПИ[120]. Кабальеризм развивался вместе с революцией, а политика КПИ подчинялась глобальной политической игре СССР.

В 1936 г. — первой половине 1937 г. в ИСРП углубляется дистанция между левым и правым („центристским“) крыльями. По словам Р. Гиллеспы, „с конца 1935 г. и в течении войны ИСРП в действительности представляла из себя две партии, каждая из которых не могла работать как следует“[121]. Это в целом верное мнение нуждается в важных поправках. Во-первых, расхождение крыльев существовало и раньше, и не в 1935 г. стало пропастью. Ведь как раз в это время произошло сближение стратегий союза с либералами, на который ориентировался Прието, и союза с коммунистами, к которому склонился Ларго. Конфликт обострится позднее, когда придется выбирать между синдикализмом и этатизмом, между революцией и государственными устоями. Во-вторых, партийная структура сохранялась и продолжала работать от имени всей партии, равно как и Ларго Кабальеро воспринимался обществом как общепартийный лидер. Пока он занимался вопросами большой политики и профсоюзов, аппарат в июне 1936 г. перешел под контроль „центристов“, генеральным секретарем был назначен Рамон Ламонеда, который и развернул аппаратную игру против левых. Кабальеристы компенсировали эти бюрократические комбинации, поощряя радикальные тенденции „снизу“, и в 1936 г. опирались на стремление радикалов-социалистов к сближению с КПИ. Тогда Ларго Кабальеро еще не мог предположить, что коммунисты сумеют „спеться“ с его оппонентами справа.

До начала гражданской войны эта тенденция к конвергенции революционных марксистов принесла богатые плоды. В декабре 1935 г. коммунисты согласились на вхождение УВКТ в ВСТ. Молодежные организации ИСРП и КПИ объединились в апреле 1936 г. в единую организацию Объединенная социалистическая молодежь (ОСМ). В некоторых городах фактически возникли объединенные парторганизации социалистов и коммунистов. Со временем выяснится, что эти слияния оказались выгоднее коммунистам, чем социалистам — коммунисты не отказывались от своей внутренней дисциплины, и тоже вели аппаратную работу по установлению жесткого контроля за объединенными организациями. В ВСТ, „вотчине“ кабальеристов, актив которого по мере углубления революции был настроен все более синдикалистски, успехи коммунистов были пока скромны. А вот ОСМ, которую возглавил Сантьяго Карильо, с началом Гражданской войны фактически стала прокоммунистической организацией. Это вызвало неудовольствие сотрудничеством с КПИ в ИСРП, так как политика руководства ОСМ лишала ИСРП привычного кадрового источника. Однако все эти проблемы проявятся после начала гражданской войны, а принципиальное значение приобретут в 1937 г.

* * *

20 декабря создание Народного фронта поддержали либералы — Левая республиканская партия, Республиканский союз и Национальная республиканская партия. Путь к созданию коалиции был открыт.

15 января 1936 г. социалисты, коммунисты, ПОУМ, республиканцы и каталонские и баскские националисты, а также ряд других организаций подписали соглашение о создании Народного блока (в дальнейшем известного как Народный фронт).

Лидеры новой коалиции очень серьезно отнеслись к составлению программы. Они хотели показать Испании, что речь идет не о беспринципном блоке либералов, социалистов и коммунистов, а о силе, которая действительно знает, как вывести страну из кризиса.

В аграрной области Народный фронт держался практически в рамках реформы 1932 г. с небольшими поправками. Акцент делался на ликвидации мер правительств 1933–1935 гг., в том числе закона, возвращавшего имения, изъятые у знати, которая устраивала заговор против республики в 1932 г. (п.3.). Ставка в аграрной сфере делалась на просвещение, мелиорацию и другие технические усовершенствования.

Более решительной была программа в отношении промышленности. Предлагалось принять хозяйственный план „национальной реконструкции“, который должен быть оформлен „законом или системой законов, которая установила бы основы защиты промышленности“, включая тарифы, налоговые льготы, регулирование рынков и „прочие виды государственной помощи“ (п.4.). Должны были быть созданы структуры экономических и технических исследований для нужд государства и предпринимателей, облегчения и оптимизации регулирования. Предполагалось расширение общественных работ. Их программа предусматривала строительство городского и сельского жилья, объектов кооперативного и коммунального хозяйства, портов, путей сообщения, ирригационных сооружений,

оросительных установок и изменение назначения земель[122].

Важной мерой, в которой виделись и признаки социальной справедливости, и средство финансирования социально-экономических программ, стало прогрессивное налогообложение. Предполагалась и экономия на государственных кредитах, направлявшихся на потребительские цели[123].

Однако стоило социалистам и коммунистам выступить за пособие по безработице, как они встретили жесткое сопротивление со стороны либералов, и вынуждены были уступить, хотя это было важное программное требование ИСРП и КПИ. Либералы также отклонили требование национализации банков. Программа даже указывала на недопустимость государственного принуждения в отношении банков. В программу попали лишь абстрактные „некоторые усовершенствования“ банковской системы. Либералы не дали включить в программу также уже очень популярное в Испании требование рабочего контроля[124]. Пока левые социалисты шли на важные уступки, лишь бы переломить общую политическую ситуацию в стране. Установки Коминтерна также ориентировали коммунистов (и не только в Испании, но и во Франции) на то, что главное — остановить фашизм, и вопрос о социалистических преобразованиях не стоит[125].

Социальное законодательство 1932–1933 гг. должно было быть восстановлено во всей полноте. Более того, „устанавливался фиксированный минимум заработной платы, а ее занижение подлежало уголовному преследованию и суду как дело публичного обвинения“[126]. С безработицей предполагалось бороться с помощью статистики, общественных работ, создания государственных структур трудоустройства, бирж труда и социального страхования. „Наконец, восьмой пункт программы делал ставку на государственное образование на всех уровнях — основной лозунг рабочих партий и левых республиканцев — а также на государственный контроль над частным образованием. В своей программе республиканцы обязались создать систему начального образования в течение первых лет Республики, поднять уровень среднего и профессионального образования, и даже способствовать равенству возможностей в среднем и высшем образовании на основании критерия способностей“[127]. Впрочем, как указывает историк Р. Вальехо, „в вопросе преодоления этих проблем республиканцы больше полагались на восстановление экономики“[128]. Однако для левых партий социальное законодательство и государственное регулирование промышленности было шансом показать стране, что именно их идеи позволят вывести Испанию из мирового кризиса.

Победа Народного фронта

Совместный электорат Народного фронта был примерно равен электорату правых. Партия Лерруса, пытавшаяся играть роль центра, была дискредитирована политикой 1933–1935 гг. и раскололась. Из нее выделился Республиканский союз М. Барриоса, который вошел в „Народный фронт“. Но вот СЭДА вела кампанию очень энергично. На ее стороне был „административный ресурс“: католическая церковь практически стала избирательной машиной СЭДА, епископы превращали проповеди в предвыборные митинги (это прямое вмешательство в политику на стороне „реакции“ во многом предопределило широкие

гонения, которые обрушатся на Церковь в июле 1936 г.). Фаланга совершала нападения на митинги левых. Нарушения закона достигли таких масштабов, что Асанья даже предлагал призвать к бойкоту выборов.

В этих условиях особое значение приобретали голоса сторонников анархо-синдикалистов. События конца 1933–1934 гг. многому научили недавних экстремистов. В январе 1936 г. региональная каталонская конференция НКТ, подтвердив традиционный абсентеизм организации, заявила, что это вопрос тактики, а не принципа[129]. Такое решение открывало дорогу к отказу от неучастия в выборах. Раз это — не вопрос принципа, то синдикалистские организации на местах могли одобрить участие своих членов и сочувствующих НКТ людей в голосовании за Народный фронт. Еще в первой половине февраля газета НКТ „Солидарidad obrera“ требовала отказа членов НКТ от голосования. Но 14 февраля сторонникам отказа от „электоральной стачки“ удалось переломить ситуацию и в НКТ. Национальный комитет организации опубликовал заявление, в котором говорилось: „Мы — не защитники республики, но мы мобилизуем все свои силы, чтобы нанести поражение старинным врагам пролетариата. Лучше смело опередить события, даже если это означает ошибку, чем после событий сожалеть о своем промахе“[130]. Эта позиция, по словам Д. Абада де Сантьяна, была оправдана необходимостью освобождения политзаключенных и предотвращения прихода к власти фашизма: „Мы вручили власть левым партиям, поскольку были уверены, что в сложившихся обстоятельствах они представляют меньшее зло“[131].

Дуррути считал, что нужно официально менять политическую линию, но „расставлял акценты иначе“ — врагом теперь была не республика и „буржуазная демократия“, а наступающий фашизм. При этом Дуррути признавал, что в своих решениях анархо-синдикалистские лидеры шли за рабочими массами: „Сегодня подавляющее число рабочих забыло о репрессиях 1931–1933 гг., и у них перед глазами только зверства, совершенные правыми в Астурии. Независимо от того, будем мы пропагандировать неучастие в выборах или нет, рабочие проголосуют за левых“[132].

Еще откровеннее, чем НК НКТ, высказались анархисты на местах, особенно в Астурии, где они в октябре 1934 г. сражались вместе с левыми партиями: „Товарищи из Народного фронта, будьте уверены, что анархисты Хихона (и то же мы посоветуем делать анархистам всей Астурии) будут голосовать за Народный фронт. Оставаясь анархистами, мы будем голосовать за Народный фронт, так как мы понимаем, что в случае нашего поражения в этой борьбе то, что произошло в Астурии в 1934 г., будет незначительным эпизодом по сравнению с преступлениями, которые реакция совершит по отношению ко всему пролетариату Испании“[133].

Фактический отказ НКТ и ФАИ[134] от „электоральной стачки“ привел к тому, что левые получили на сотни тысяч голосов больше, чем в 1933 г. Это был решающий фактор победы Народного фронта. „Если поутру 16 февраля политические обозреватели, оценивая активность участия в выборах, могли полагать, что Народный фронт будет побежден, то в полдень массовое прибытие на все избирательные пункты колонн анархо-синдикалистов немало встревожило их... В одиннадцать часов вечера в Мадриде, где уже нельзя было продвигаться ни пешком, ни в трамвае, новость распространилась с быстротой молнии:

Народный фронт шел впереди других партий не только в столице Испании, но и в наиболее крупных ее городах. В Барселоне, Бильбао, Севилье охваченные восторгом толпы заполнили улицы. Это был праздник. Праздник без насилия. Но стихийный. Те, кто вопреки кампании запугивания и угроз голосовал за Народный фронт, обнимались, плакали от радости, пели революционные песни, сами еще не веря в собственную победу“[135].

Народный фронт получил 4654116 голосов, правые 4503524, баскские националисты 125714, центр 400901. Таким образом, перевес левых над правыми был минимален, а с учетом центристов и вовсе сомнителен. Но при мажоритарной системе решающую роль играло сплочение сил в округах, где поддержка анархистов также помогла левым добиться перевеса. Народный фронт завоевал 268 мест из 473. При этом социалисты получили 88 мест, левые республиканцы — 81, коммунисты — 16. Правые и центристы получили 205 мест. Сразу после оглашения итогов выборов генералы Франко и Годед предложили временному премьер-министру Портеле Вильядаресу аннулировать их под предлогом несовершенства мажоритарной системы (характерно, что в 1933 г. это несовершенство правых не смущало) и ввести чрезвычайное положение. Портела обратился за согласием на конституционный переворот к президенту, и тот подписал декрет о введении военного положения, оставив его публикацию на усмотрение Портелы. Никто не хотел быть „крайним“. Все понимали, что введение военного положения немедленно вызовет восстание и гражданскую войну[136]. Левые были в своем праве, городские массы были на их стороне. После некоторых колебаний Портела не решился опубликовать декрет и ушел в отставку. Путь к власти для Народного фронта был открыт. Гражданская война была отложена.

* * *

В результате победы Народного фронта к власти пришло правительство М. Асанья. Правительство Народного фронта объявило политическую амнистию. Узники октября и предыдущих социальных волнений вышли из тюрем. Было освобождено более 15 тысяч человек. Уже 23 февраля был восстановлен Женералитат Каталонии.

Асанья выступил в Кортесах с изложением правительственной программы. Он утверждал, что успех Народного фронта — „возможно последний вариант, который у нас есть, не только мирного и нормального развития республиканской политики и окончательного установления республиканского режима в Испании — я хочу сказать: окончательного и мирного — но и парламентского режима“[137]. 15 апреля 1936 г. Асанья подробно изложил экономическую программу, акцентировав ее конъюнктурные, то есть умеренные, близкие либералам стороны. Он определил, что его политика направлена на оздоровление, упорядочение и, по мере возможности, „реанимацию испанской экономики“[138].

10 мая Кортесы избрали президентом страны М. Асанью (Алкале припомнили нарушения законности при подготовке к выборам и 3 апреля отправили в отставку). Правительство возглавил галисийский либерал Сантьяго Касерес Кирога. Социалисты, имевшие наибольшую фракцию в Кортесах, пока воздержались от вхождения в правительство[139]. Они руководствовались той же логикой, что и российские эсеры и меньшевики в марте 1917 г.: „Мы не хотим, чтобы история возложила на нас ответственность за то, что мы не дали

буржуазии выполнить ее миссию“[140], — заявил Ларго Кабальеро. Но в будущем он считал необходимым установить диктатуру пролетариата. Это произойдет скорее, если буржуазные партии не справятся с проблемами страны.

Либералы пытались справиться. Ускорилась аграрная реформа. Если в 1932–1935 гг. было распределено 119 тыс. га земли, то с февраля по июль 1936 г. — 750 тыс. га.[141] Создавались кооперативы для управления отчужденными поместьями и для совместной обработки целины (правда, им не хватало техники для повышения производительности труда).

Но реформа хоть и пошла быстрее, но не удовлетворяла тех крестьян, которым еще многие годы предстояло ждать своей очереди. Это привело к усилению „давления снизу“ — крестьяне Эстремадуры стали захватывать пустующие поместья, а гражданская гвардия по привычке — разгонять нарушителей закона. При захватах поместий крестьяне могли проявлять демонстративную щепетильность. Так, они не только составляли письменные протоколы о занятии, но и прописывали, что графу Романонесу должны быть возвращены обнаруженные на кухне продукты[142].

Столкновения происходили то тут, то там. Одновременно в стране нарастали продовольственные трудности в связи с общей неуверенностью крестьян в том, что следует продавать хлеб в условиях начавшейся „смуты“.

Профсоюзы развернули кампанию наступления на капитал. В феврале-июле произошло 113 всеобщих и 228 местных стачек. Предприниматели устраивали локауты, останавливали предприятия. Тогда рабочие захватывали их и снова запускали производство. Рудники и верфи Андалузии, мадридский трамвай и даже пивоваренный завод стали первыми опытами рабочего самоуправления в Испании, которое пышным цветом расцветет после начала Гражданской войны.

Шла быстрая самоорганизация рабочих и консолидация профсоюзов. Летом 1936 г. ВСТ достиг численности почти в 1,5 млн человек. После объединения с „триентистами“ такой же численности достигла НКТ. Впрочем, численность НКТ могла быть примерно в полтора раза меньше, поскольку учет членов оставлял желать лучшего[143]. Численность рабочего класса оценивалась в 4 миллиона человек, из которых промышленный пролетариат — 2 миллиона[144]. Таким образом, в профсоюзы был объединен практически весь промышленный пролетариат и значительная часть сельского.

С февраля по июль численность КПИ выросла с 14000 до 60000. Участие в победившей коалиции явно пошло коммунистам на пользу.

Во время забастовок социалисты и коммунисты то сталкивались, то сотрудничали с анархо-синдикалистами (трудности сотрудничества были вызваны прежде всего тем, что союзы НКТ по-прежнему отрицали государственный арбитраж, даже когда он был выгоден работникам). Значение анархо-синдикалистов было по достоинству оценено Коминтерном. В директивах Секретариата ИККИ 21 февраля 1936 г. ставилась задача „втянуть в единый фронт анархо-синдикалистские рабочие массы. Добиться осуществления профсоюзного

единства путем объединения ВСТ и НКТ"[145]. Идея объединения профсоюзов была поддержана анархо-синдикалистами, но на своих условиях.

* * *

Участие в голосовании, которое дало такой эффект, убеждало лидеров НКТ в возможности более гибкого подхода и к другим непререкаемым доколе программным принципам НКТ и ФАИ. Жизнь показала правоту „триентистов“, и они вернулись в НКТ. Этому способствовала и идейная эволюция части идеологов НКТ в сторону концепций, ранее высказанных „триентистами“.

1-12 мая 1936 г. в Сарагосе состоялся Конгресс НКТ, завершивший процесс консолидации движения. К 528 тысячам представленных на конгрессе членов НКТ присоединилось 68 тысяч членов „триентистских“ профсоюзов (часть организаций НКТ не смогла прислать своих делегатов, но подчинились решениям конгресса). Выступая на конгрессе, представитель „вернувшихся“ Хуан Лопес говорил: „Мы не против революции. Мы не противостоим идеологии НКТ. Мы только говорим о своей не вере в то, что наша сила и наши приготовления достаточны в настоящее время для того, чтобы предпринять революцию. Молодежь жила на протяжении семи лет диктатуры без какого-либо культурного и либертарного просвещения. Для того, чтобы подготовить их, нужно время. Однако, если развитие заставит нас выдвинуться вперед уже в этот период, мы не откажемся от того, чтобы выйти на улицу и выполнить наш долг“[146].

В своей речи Х. Лопес снова поставил проблему, которая всего через несколько месяцев станет ключевой для НКТ. Необходим длительный период просвещения для того, чтобы люди были готовы принять и понять конструктивные принципы свободы и солидарности. Но социальная революция может произойти в любой момент. В ней нельзя не участвовать. Это значит, что нельзя не сотрудничать с другими революционными силами, даже весьма далекими от анархизма. В противном случае придется или отойти от массового движения, в котором участвуют далеко не только анархисты, или устанавливать „анархистскую“ диктатуру, чтобы разгромить неанархистские течения и принудить население к выполнению анархистских принципов. Однако последний вариант расходился с глубинными основами либертарной (анархистской) идеологии, отрицавшей диктатуру и принуждение.

Вдохновленная объединением с „триентистами“, НКТ поставила более масштабную задачу — сближение и даже объединение с ВСТ. Если товарищи из ВСТ осознают преимущества беспартийного общества самоуправления, то синдикалисты не окажутся в изоляции, и новый мир будет строить большинство рабочего класса. Таким образом, стратегический союз с ВСТ становился условием начала социальной революции, при котором анархо-синдикализм не оказывается в изоляции. Конгресс выдвинул условия, на которых НКТ была готова заключить „пакт о революционном альянсе“ с ВСТ: прежде всего ВСТ должен отказаться от сотрудничества с политическими партиями и правительством. То есть НКТ требовала от ВСТ превратиться в анархо-синдикалистский профсоюз, что, по крайней мере в то время, было неосуществимо[147]. Уже через несколько месяцев НКТ и ВСТ будут сотрудничать без выполнения таких нереальных условий. Но для этого должна была

начаться более глубокая социальная революция.

В результате одновременного стремления объединить большинство рабочих ради революции и придать революции анархо-коммунистический характер в решениях Сарагосского конгресса причудливо сочетаются идеи как умеренного, так и радикального крыла НКТ[148].

После дискуссии Конгресс признал „право“ революционных синдикалистов, анархистов и социалистов на лидерство в революции, которая немедленно приведет к возникновению анархического коммунизма, то есть общества без государственности и частной собственности[149]. Мечта о профсоюзной революции затмевала сложности сотрудничества с социалистами и коммунистами, которые смотрели на перспективы и методы этой революции совсем не так, как анархо-синдикалисты. В то же время Конгресс выдвинул требование расширения государственных работ[150], что предполагало не только сохранение, но и усиление роли государства.

Конгресс приступил к выработке программы НКТ, одобрив ее основные принципы в „Концепции либертарного коммунизма“. Идеи, формировавшиеся в Сарагосской программе НКТ, уже через несколько месяцев будут вдохновлять творцов уникальных социальных преобразований Испанской революции. Поэтому мы должны подробнее остановиться на этой программе.

Проект программы стал синтезом коммунитарной концепции анархиста А. Пуэнте и синдикалистских идей, разработанных в работах Пейро и Абада де Сантильяна. Из разногласий между коммунитаристами и синдикалистами вытекала разность подходов к степени автономии личности от синдиката (профсоюза, коллектива). Чтобы снять резкие возражения с той или иной стороны, делегаты специально оговаривали: „Делая набросок норм либертарного коммунизма, мы не представляем его как единственную программу, которая не подлежит изменению. Эти изменения будут, конечно же, происходить под влиянием конкретных обстоятельств и накопленного опыта“[151]. Эти слова окажутся пророческими. Цель — достижение анархического коммунизма — останется прежней, но путь к ней будет видеться все более постепенным.

Структура послереволюционного общества видится авторам программы в виде сети самоуправляющихся трудовых коллективов и объединяющей их федерации территориальных и отраслевых координационных советов и „статистических“ (информационно-плановых) органов. Эта сеть должна формироваться снизу: „Основой, ячейкой, краеугольным камнем любого социального, экономического и морального творчества будет сам производитель, индивид, на рабочем месте, в профсоюзе, в Коммуне, во всех регулирующих органах нового общества. Связующим органом между Коммуной и рабочим местом будет фабрично-заводской Совет, связанный договором с другими центрами труда. Связующим органом между профсоюзами (ассоциациями производителей) будут Советы статистики и производства. Объединяясь в федерации, они образуют сеть постоянных тесных связей между всеми производителями Иберийской Конфедерации“[152]. Деньги будут заменены рабочими карточками, армия и полиция — рабочей милицией на предприятиях.

Федерации федераций должны были бы составить основу политической организации революционной Испании: „Ассоциации промышленных и сельских производителей соединятся в федерации на уровне страны (пока Испания окажется единственной страной, осуществляющей преобразование общества), если те, кто занят в одном и том же трудовом процессе, посчитают такое разделение необходимым для плодотворного развития экономики. Точно так же объединятся в федерации для облегчения логических и необходимых связей между всеми Вольными Коммунами полуострова те службы, характер которых этого потребует.

Мы убеждены, что со временем новое общество сможет предоставить каждой Коммуне все аграрные и промышленные элементы, необходимые для ее автономии в соответствии с биологическим принципом, согласно которому наиболее свободным является тот (в данном случае та Коммуна), кто наименее зависит от других“[153]. Это пожелание, игнорирующее предостережение Абада де Сантильяна против экономической автаркии, отнесено в более отдаленное будущее.

Сарагосская программа НКТ резюмируется формулой: „Политическим выражением нашей революции служит триада ЧЕЛОВЕК, КОММУНА, ФЕДЕРАЦИЯ“[154]. Сарагосская программа не была окончательным, обязательным документом, для ее доработки была создана комиссия[155]. Но практика вскоре подвергла принципы Сарагосской программы суровому испытанию.

Анархисты продолжали считать правительство своим противником и готовились к решающему сражению именно с ним. После очередных столкновений радикального населения с силами правопорядка в мае Иберийский комитет ФАИ обратился к анархистским организациям: „Народ ожесточен, и в любой момент может осуществиться психологическое явление, о котором столько говорилось в нашей пропаганде; правительство, которое продолжает оставаться буржуазным и стоять на страже капиталистического порядка, защищается и потому прекрасно осуществляет меры, которые вменялись в вину Хилу Роблесу со товарищи; правительство, отставив в сторону свой маскарад „народности“, столкнется с НКТ, своим самым страшным врагом“[156]. Авторам этого письма было трудно представить себе, что уже через два месяца анархисты будут защищать правительство Народного фронта с оружием в руках, а затем и войдут в его структуры, включая и само правительство.

* * *

После победы Народного фронта левый и правый лагеря сочли, что борьба вступила в решающую фазу. Экстремисты „шли в авангарде“, отстреливая активистов противника. Было совершено 213 покушений. В столкновениях между экстремистами и нападениях на демонстрации погибло 269 человек. Это было предчувствие гражданской войны, которое оправдалось.

„На первый план неумолимо выходили левые экстремисты всех направлений...“[157], — пишет современный автор С. Ю. Данилов. Слово „левые“ здесь явно излишне и является

признаком тенденциозности этого автора. Неужели „левые“ убили судью Педрегалья, накануне посадившего в тюрьму фалангиста за убийство подростка? Или редактора левой газеты „Ла рехьон“ Малумбреса? Или капитана Фараудо, который выступил на стороне восставших в 1934 г.? В день пятой годовщины провозглашения республики чуть было не взлетели на воздух ее руководители — бомба оказалась у правительственной трибуны. Бомбу подкинули и в дом Ларго Кабальеро. Фалангисты нападали на демонстрации левых, заставляли прохожих вскидывать руки в фашистском приветствии, а отказывавшихся зверски избивали. Левые экстремисты считали, что ведут ответные действия. Они убивали фалангистов, нападали на демонстрации правых.

Правые экстремисты играли с огнем. После того, как фалангисты 9 марта обстреляли собрание рабочих и их семей в Гранаде, профсоюзы объявили общегородскую забастовку. 10 марта возмущенные рабочие вышли на улицы и снова подверглись обстрелу. Ситуация вышла из под контроля, толпа разгромила и сожгла здания горкома Фаланги, структур СЭДА, католической газеты „Эль Идеаль“, католического театра, шоколадной фабрики, хозяин которой спонсировал правых, двух элитарных кафе. Вечером кто-то поджег две церкви. Эти события показали, что в напряженной обстановке, сложившейся в стране, было очень легко вызвать массовые волнения. 14 марта правительство запретило Фалангу, но она продолжала действовать полулегально.

Более того, Фаланга становилась более влиятельной организацией, чем СЭДА, политическим партнером военных заговорщиков. По мнению британского историка, „в Испании впервые сложилась благоприятная обстановка для развития фашизма. Консервативные элементы были напуганы успехом Народного фронта и в сорок восемь часов лишились веры в эффективность тех политических группировок, которые прежде защищали их интересы“. Если раньше католическая молодежь встречала Хилия Роблеса криками „Вождь! Вождь! Вождь!“, то теперь обратилась к фашистской „диалектике кулаков и пистолетов“ и стала вливаться в Фалангу и участвовать в ее акциях»[158].

Правым террором практически открыто руководил Примо де Ривера. 15 марта он был арестован, у него было найдено незаконно хранившееся оружие. Примо оказался в тюрьме. «Народный фронт попирает закон, который ранее требовал защищать»[159], — возмущается по этому поводу С. Ю. Данилов, сетуя, что молодого Примо не выпустили под залог (с деньгами у «золотой молодежи» не было проблем), когда в тюрьмах, в отличие от 1934 года, было так мало левых. Разве ж это правосудие? Если оружие найдено у видного фашиста, то его нужно выпустить хотя бы под подписку о невыезде, дабы не прерывать руководство Фалангой. Вот тогда было бы правосудие, которое бы понравилось фашистам и их адвокатам. Впрочем, С. Ю. Данилова можно успокоить — к Примо был обеспечен практически свободный доступ посетителей[160] — не чета арестованным левакам в 1933 г. С оружием у левых тоже было хуже, чем у фалангистов. Когда начнется мятеж военных, анархистам придется чуть ли не силой вырывать оружие у республиканского правительства. Промедление в получении оружия позволит мятежникам захватить несколько городов, где у анархистов были сильные политические позиции, но не было оружия, как, например, в Севилье и Сарагосе.

Фаланга тем временем не унималась — 11 июля фалангисты захватили с оружием в руках радиостанцию и призвали к вооруженным действиям против правительства. Из тюрьмы Примо сообщил военному заговорщику Моле, что Фаланга активно поддержит военный переворот.

Особенно тревожным был отстрел фалангистами тех офицеров «штурмовой гвардии» («асальто»), которые придерживались левых взглядов. Штурмовая гвардия создавалась как внутренние войска, и от ее позиции зависело, можно ли совершить военный переворот. Убийства офицеров выглядели как зачистка «асальто» от левых — непосредственная прелюдия к перевороту. Чашу терпения гвардейцев-республиканцев переполнило убийство лейтенанта Хосе дель Кастильо 12 июля.

Гибель лейтенанта стала звеном трагической цепи политической «вендетты». Когда 14 апреля в президентскую трибуну была брошена бомба, возникла сумятица. Кому-то из охраны показалось, что офицер направил пистолет на президента, и несчастный гвардеец был убит. Его хоронили 16 апреля, и хотя политические симпатии покойного не были связаны с Фалангой, она превратила похороны в свою демонстрацию протеста. Фалангистов поддержала молодежная организация СЭДА, ведомая Рамоном Серрано Суньером, что немаловажно, свояком генерала Франко. Левые шли по другую сторону похоронной процессии, и две колонны обменивались выстрелами. «Асальто» не пускали демонстрантов на кладбище, и здесь развернулась схватка между фалангистами и гвардейцами. Погибло не менее 12 человек, в том числе двоюродный брат Примо де Риверы-младшего. Его-то и застрелил лейтенант Кастильо. Самого Кастильо застрелили у ворот его дома 12 июля.

Возмущенные леваки из «асальто» решили, что искать исполнителей преступления будет долго, и нужно мстить тем, кто стоит за фалангистами. Группа «асальто» отправилась на квартиру Кальво Сотело, который считался мозгом правого экстремизма, и схватила его. На следующий день, 14 июля, Кальво был найден мертвым. Американский посол в своих мемуарах опровергал распространившийся слух, что Кальво «заказали» коммунисты или правительство: «Штурмовые гвардейцы отомстили за убийство своего офицера»[161]. Как потом выяснилось, среди убийц были члены ОСМ, но инициатор убийства капитан Кондес действовал по собственной инициативе. Он хотел убить и Хилья Роблеса, но того не оказалось дома.

Убийство Кальво Сотело вызвало взрыв возмущения в правых кругах, но на ход дальнейших событий повлияло незначительно. В это время военные заговорщики уже все подготовили к перевороту. Убийство Кальво ничего не изменило в их планах, но предоставило моральный козырь.

Политическая напряженность и непримиримость нарастали с каждым днем, с каждым шагом обоих лагерей. Это касается как «левых», так и «правых». Начавшийся в стране «хаос», во многом вызванный и действиями представителей правых организаций, вызывал болезненную реакцию традиционалистско-этатистской Испании. Народный фронт воспринимался правыми как готовое рухнуть «прикрытие анархизма и коммунизма». Выступая в парламенте, Хиль Роблес говорил: «Страна может жить при монархии и республике, с парламентарной и президентской системой, при коммунизме или фашизме, но

страна не может жить при анархии. Сейчас, однако, Испания находится в состоянии анархии. И мы сегодня присутствуем на церемонии похорон демократии»[162].

Накал страстей удивительным образом диссонировал с умеренностью проводившихся правительством преобразований. Массовые настроения искусственно «накручивались», радикализировались идеологической элитой. Возможность победы политических противников рассматривалась как катастрофа. Умеренная политика либералов не соответствовала глубине социального кризиса.

Версия #1

Зверобой создал 5 мая 2025 20:30:44

Зверобой обновил 5 мая 2025 20:34:23